

Однажды ему приснился Качалов — Барон в спектакле «На дне». Сон был черно-белый, как та кинолента, на которой заснят гениальный отрывок из давнего спектакля МХАТа. Барон кричал Настенке высоко надтреснутым голосом: «Не было этого!» и даже повизгивал, торжествуя свою жалкую победу.

Утром он подумал: «Почему

семейного тирана, отвратительного, смешного и страшного человека.

Так родился Эдгар — Качалов помог.

Иван Краско — актер «божьей милостью». Это значит, что он не может не играть. Я видела четыре спектакля с его участием — два на сцене и два на телеэкране. Иван Иванович подарил мне еще один — монспектакль, который он сы-

ла. Он был и старым, тяжеловесным Дедуней, который умеет хорошо целиться и убивать (только очки нужны), и наглым Внучком — импрессарио при Дедуне, и беспомощным интеллигентиком Врачом-окулистом, которого страх перед выстрелом заставляет выдавать одного за другим своих пациентов — лишь бы не я, пока не я!

Это была анатомия фашизма, анатомия обывательского страха и пресмыкания перед силой. Не сразу совершилось предательство. Он долго изворачивался, пытаясь всеми доступными ему средствами сохранить свою личность, остатки человеческого достоинства. Но я уже знала, что он предаст. И все-таки, когда это произошло, холодок побежал по спине.

Врач набрал номер на телефонном диске:

— Дедуня? Он будет здесь завтра в шестнадцать часов. Кто он? Кароль, конечно!

Он уже служил им всю.

Аплодисменты — мощные, нескончаемые, звучали в зрительном зале Волгоградского драматического театра, когда закончился спектакль «Играем Стриндберга». Он идет в Ленинграде уже пять лет, и за это время не надоел ни зрителям, ни исполнителям. Краско считает, что спектакль еще не достиг пика развития. В чем секрет? Во-первых, конечно, замечательная драматургия, точные и живые характеры — такие всю жизнь играй, не играешься. Во-вторых, прекрасные партнеры (здесь, кроме Краско, заняты народная артистка РСФСР Галина Короткевич и заслуженный артист РСФСР Иосиф Конопацкий). Сложился ансамбль, где каждый чутко реагирует на импровизацию, даже на сегодняшнее настроение другого — им интересно вместе. И потом — обстоятельство самого спектакля, его режиссура. Он поставлен, как условная игра — модель театра, модель жизни.

Поначалу казалось, что происходит что-то не то. Заслуженный артист РСФСР Иван Краско, профессионал высокого класса, «наигрывал», как ребенок, который изображает знакомого дядю. Его Эдгар раздражал — шарж, карикатура! Но когда эта карикатура, этот паяц, надоевший всем своими вечными изречениями «Я проживу еще двадцать лет», «Полковник высоко меня ценит», «Кругом один сброд», когда он подошел к рампе и, задыхаясь, сказал: «Жизнь беспощадна», — мы вдруг поняли все. И эту придуманную «рыцарскую» походку, и затверженные металлические интонации, и неизменную «отсекающую» формулировку на самой высокой ноте: «Не будем больше об этом говорить!» — так прячется человек от собственного страха, от неудач,

ТЕАТР

от неумения хоть кого-нибудь сделать счастливым. Эдгар был плохой, отталкивающе несчастный, но живой человек. И мы полюбили его. Большая победа артиста.

Он пришел в театр поздно — в тридцать один год. Рано остался без родителей, а дядя, когда вернулся с фронта, сказал: «Пойдешь в военно-морское училище». Через семь лет лейтенант флота Краско подал рапорт об увольнении в запас и поступил на первый курс Ленинградского театрального института к Рубену Серге-

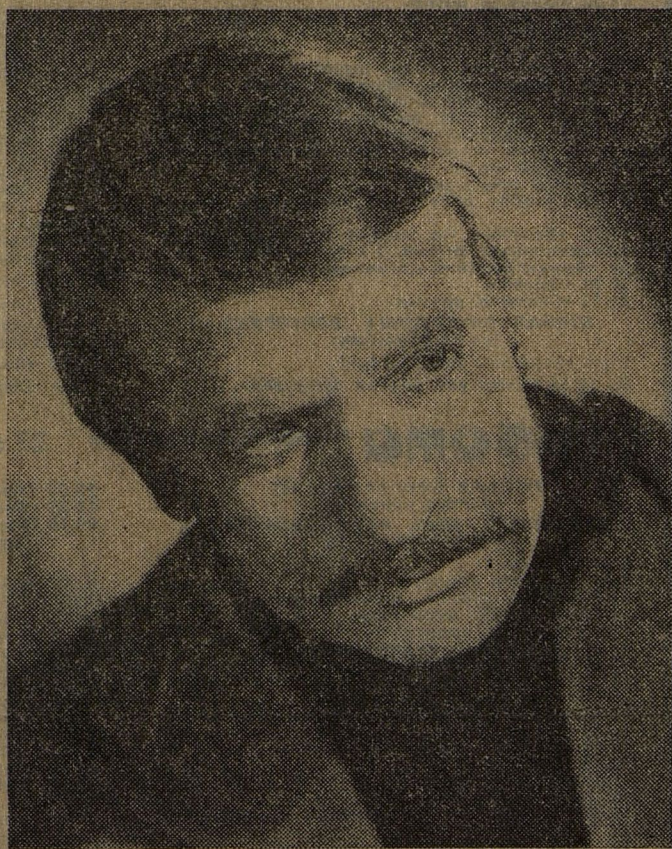


евичу Агамирзяну, своему нынешнему главному режиссеру. Такой крутой поворот в жизни может сделать только очень смелый человек. Впрочем, талант все про себя знает.

Краско и на сцене любит смелые, неожиданные решения, умеет повернуть авторскую мысль острием к зрителю. Кавалеров в «Заговоре чувств» Ю. Олеши, Майлс Гендон в «Принце и нищем» М. Твена, Василий Шуйский в трилогии А. Толстого, незабываемый Эдгар в «Играем Стриндберга» Ф. Дюрренматта — в его персонажах отсутствует будничность, приземленность «бытовщина», но всегда живет сильная индивидуальность и правда. Иногда он рискует на сцене, кажется, еще миг — и переключит. Но нет, просто нас на мгновение освещает истина. **Н. СЛОМОВА.**

НА СНИМКАХ: И. Краско; сцены из спектакля «Играем Стриндберга».

МГНОВЕНИЕ



ИСТИНЫ

Барон?» И осенило — это был голос Эдгара.

Пришел на репетицию, и с первой же реплики партнеры широко открыли глаза — Эдгар заговорил. Заговорил так, как только он один мог разговаривать: высоко, надменно и четко, внезапно срываясь на писк, который вдруг обнаруживал, выдавал его глубокую, вечную, тайную неуверенность.

Тогда в Ленинградском театре имени В. Ф. Комиссаржевской репетировали пьесу Ф. Дюрренматта «Играем Стриндберга», и он долго мучался, ища голосую характеристику своего героя — не дослужившегося до чина майора

гнал, пока мы разговаривали. Здесь нет никакого переносного смысла, пьеса имеет автора и название. Речь зашла о внеплановой работе, и Краско стал рассказывать о постановке пьесы С. Мрожека «Кароль» в Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества. Я не заметила, как начал театр.

Пропала комната, где ветер мирно играл с оконной занавеской, а на столе остывал чай. Не было ничего, кроме актера, играющего острую, парадоксальную философскую притчу о предательстве.

В пьесе три действующих ли-